

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Это автобиография протопопа Аввакума Петрова, главной фигуры русского старообрядчества, диссидента и вдохновителя церковного раскола XVII века. Протопоп необычайно живо и подробно по меркам своего времени рассказывает о своей жизни, о гонениях за веру, перенесенных им самим и его сподвижниками, о чудесах, которые совершал сам и которым был свидетелем, бранит патриарха Никона, его церковную реформу и исправленные им по греческому образцу церковные книги, отстаивает двуперстное крестное знамение и другие важные догматы старого обряда. Аввакум пишет свою книгу в продолжение религиозно-политической полемики — и попутно открывает для русской литературы жанр автобиографии, прокладывая дорогу психологизму, юмору и бытописательству.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Протопоп Аввакум, лишенный сана и преданный анафеме за раскол, последние 15 лет жизни, вплоть до своей казни 14 апреля 1682 года, провел в земляной тюрьме в заполярном городе Пустозерске вместе с тремя другими важными деятелями раскола. Все это время протопоп продолжал бороться литературными средствами с церковной реформой патриарха Никона и укреплять дух староверов. В годы заключения он создал свое «Житие» и свыше

60 других сочинений: слов¹, толкований, поучений, челобитных, писем, посланий, бесед, где обличал «никонианскую ересь» и наставлял в вере своих духовных чад. Написать «Житие» Аввакума «понутил» его духовный отец и союзник по пустозерскому заключению — инок Епифаний, который вносил в рукопись редакторские правки, а через несколько лет после Аввакума написал и свое, гораздо более традиционное по форме, житие. «Житие протопопа Аввакума» известно в трех основных редакциях: первая редакция была написана в 1672–1673 годах, последняя — не позднее 1676 года, вторая — когда-то в промежутке.

КАК ОНА НАПИСАНА?

«Житие», написанное нарочито грубым «природным русским языком», нарушает все мыслимые литературные нормы эпохи. Протопоп перемежает церковнославянские цитаты ругательствами, откровенно описывает физиологические отправления, причудливо сочетает разные стилистические пласты: «Само Царство Небесное валится в рот». Необычен и жанр книги: традиционная структура жития предполагала сперва связный и последовательный рассказ о юности святого, затем отдельные эпизоды биографии, по большей части трафаретные (рассказы о чудесах и видениях), иллюстрирующие святость героя и перемежающиеся с поучениями или молитвами. Аввакум берет эту структуру

¹ Жанр древнерусской литературы. Слово предназначалось для произнесения вслух на торжественных собраниях или в церкви во время службы — из него потом развился жанр церковной проповеди. Известные образцы — «Слово о законе и благодати» Илариона и «Слово о погибели Русской земли».

за основу, но наполняет ее реальными историческими фактами и бытовыми подробностями. Например, обычные для агиографии эпизоды изгнания бесов снабжены подробным описанием «лечебных процедур»: «Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал», а ангел, явившийся в тюрьме голодающему протопопу, не просто подкрепляет его силы, а кормит «очень вкусными» щами. Местами автобиография превращается в историю первых лет раскола вообще. А главное, и собственный портрет, и изображения других людей, и окружающий биографический пейзаж у Аввакума приобретают психологический объем и достоверность, необычные для литературы его времени.

Вспомните протопопа Аввакума,
что скуфьей крыс пугал в подземелье,
человек был, не кисель с размазней.

Николай Чернышевский

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

«Житие» активно распространялось в списках и при жизни Аввакума, и после его казни, как и другие его сочинения и письма с наставлениями в жизни и вере, которые он писал из заключения своим духовным детям, но все эти тексты были известны только в среде старообрядцев. Первое печатное издание «Жития» вышло в 1861 году в типографии издателя Дмитрия Кожанчикова в Санкт-Петербурге, подготовил и осуществил его филолог, историк древнерусской «отреченной» (то есть запрещенной церковью) литературы Николай Тихонравов, впоследствии — ректор Московского

университета. С тех пор разыскания продолжались. Например, в 1912 году историк Василий Дружинин нашел в доме одного старообрядца автограф аввакумовской рукописи (за который, по преданию, московская старообрядческая община предлагала ученому 30 000 руб. золотом, но тот не взял, сохранив драгоценную рукопись для науки). Как это часто бывает с допечатными источниками, новые найденные списки порождали новые исследования и принципиально новые публикации. Так, в 1926 году в Париже в ситуации дефицита русских изданий Алексей Ремизов отвел более 70 страниц в журнале «Вёрсты» под публикацию «парижского списка» «Жития», составленного им на основании трех ранее известных редакций.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Почти два столетия после смерти Аввакума его «Житие» распространялось только среди старообрядцев как священный текст. Однако в области светской культуры творчество Аввакума долго оставалась неизвестным, о нем не упоминают ни Тредиаковский, ни Сумароков, ни Ломоносов, ни Пушкин.

Первая публикация «Жития» в середине XIX века была встречена с огромным интересом. Достоевский в «Дневнике писателя» приводит язык Аввакума в пример того «многообразного, богатого, всестороннего и всеобъемлющего» русского материала, который напрасно презирают, считая «грубым подкопытным языком, на котором неприлично выразить великосветское чувство или великосветскую мысль». Лесков вдохновлялся образом Аввакума, работая

над «Соборными», в черновиках протопоп является его герою в видениях, но в окончательном варианте романа-хроники Аввакум уже не упоминается, потому что Лесков разочаровался в старообрядчестве. Тургенев не расставался с «Житием» в заграничных поездках, восхищался: «Вот она, живая речь московская!» При этом он, как и многие образованные люди того времени, воспринимал Аввакума как человека невежественного: «Груб и глуп был Аввакум, порол дичь, воображая себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его». Это не соответствовало действительности: Аввакум был с юности очень начитан, и этим, в частности, объяснялось его необычно раннее рукоположение — уже в 23 года. Справедливее к нему отнесся позднее Лев Толстой, назвавший Аввакума «превосходным стилистом».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Аввакума ценили писатели Серебряного века: о нем писали в стихах и прозе Дмитрий Мережковский, Максимилиан Волошин, Алексей Ремизов. Отдельная, общественно-политическая линия восприятия фигуры протопопа как олицетворения силы народной пошла еще от народолюбцев. Сочувственно отзывался о нем Чернышевский: «Вспомните протопопа Аввакума, что скуфьей крыс пугал в подземелье, человек был, не кисель с размазней...» В качестве народного бунтаря Аввакум был позднее «канонизирован» советским литературоведением. Николай Клюев в оде «Ленин» представляет большевистского вождя его

последователем, от него ведет генеалогию русского бунта Максим Горький в «Жизни Клима Самгина».

Позднее Аввакум стал важной символической фигурой для Варлама Шаламова, который писал в стихотворении «Аввакум в Пустозерске»: «Ведь суть не в обрядах, / Не в этом — вражда. / Для Божьего взгляда / Обряд — ерунда». Реальный Аввакум, готовый умереть «за каждый аз», то есть букву старой обрядности, так, конечно, сказать не мог, и попович Шаламов об этом знал. Филолог Юрий Розанов замечает: «...Шаламов пишет об Аввакуме так, как он мог бы писать о себе, конечно,

Икона «Богородские староверы»
(священномученик протопоп
Аввакум, священномученик
Павел епископ Коломенский,
священномученик диакон Феодор,
преподобномученик инок Епифаний
и священномученик иерей Лазарь).
XIX век. Покровский собор, Москва

с определенной поправкой на время и подразумеваемая под “старым обрядом” коммунистическое учение в его первоначальной чистоте»¹; это был Аввакум не из старообрядческих, не из литературных, а из революционных святцев. В позднесоветские годы фигура Аввакума остается для писателей одним из ранних образов революционера (можно, например, вспомнить повесть Юрия Нагибина «Огненный протопоп»).

ПОЧЕМУ АВВАКУМ ТАК ГРУБО НАРУШАЕТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОРМЫ?

«Природный русский язык», то есть просторечие, — важнейший стилистический принцип Аввакума, в своей прозе смешивающего церковнославянизмы и русизмы. Некоторые исследователи полагают, что Аввакум просто не умел писать по-церковнославянски и естественным образом срывался на живую речь. Но поскольку протопоп учился по церковным книгам и должен был владеть слогом, вероятнее, что это стилистическое решение сознательно и объясняется прагматикой «Жития». Ведь до того, как заключение вынудило его перейти на письменную форму общения с духовными чадами, Аввакум возрождал жанр проповеди, с амвона обращался с увещанием к толпе на понятном ей языке. Потеряв такую возможность, он продолжил делать то же самое на письме.

Кроме того, отстаивая «природный русский язык», Аввакум тем самым

отстаивал национальную культуру и древнее русское благочестие перед лицом западных культурных влияний — от нового силлабического стихотворства до барочной проповеди, которые в XVII веке все активнее стали просачиваться на Русь. Аввакум понимал, что просто осудить их недостаточно: нужно предложить альтернативу. Борясь с обаянием новой литературы, он стал новатором сам и в пику новым заимствованным жанрам обновил старый, канонический.

НАСКОЛЬКО ПРАВДИВО В «ЖИТИИ» ИЗОБРАЖЕНЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ?

Общая канва событий изложена верно, хотя протопоп не указывает точных дат (однако исследователям, например Пьеру Паскалю, удалось восстановить хронологию его жизни очень подробно). С частностями дело, конечно, обстоит сложнее. Если его дару исцелять бесноватых можно найти рациональное объяснение с точки зрения современной психологии (скажем, по аналогии с широко распространенной в XIX веке и практически исчезнувшей в наши дни истерией, которую Жан Мартен Шарко лечил гипнозом), то многочисленные чудеса, которые протопоп творил сам и которым был свидетелем, каждому читателю остается трактовать на свое усмотрение. Иногда он сам оставляет читателю место для сомнения. Скажем, когда патриарх Никон в первый раз за послушание посадил его у себя

¹ Розанов Ю. Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлаама Шаламова. Материалы конференции. — М., 2007. — С. 301–315.

ХРОНОЛОГИЯ

В истории	В книге
1638 Галилео Галилей опубликовал трактат «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящиеся к механике и местному движению» о законах движения и трения, в котором были заложены основы современной механики.	1638 Семнадцатилетний Аввакум женится на бедной четырнадцатилетней сироте Анастасии Марковне.
1645 Английская революция. Кромвель со своей «Армией нового образца» одерживает победу над Карлом I в сражении при Нейзби.	1645 Умирает царь Михаил Федорович, на престол вступает Алексей Михайлович. Вокруг его духовника Стефана Вонифатьева образуется «Кружок ревнителей благочестия».
1651 Начало Трехсоттридцатипятилетней войны.	1651 Церковный собор принимает решение о введении единогласия в церковном пении и чтении.
1652 Британия окончательно покоряет Ирландию.	1652 Аввакум назначен протопопом в собор Входа Господня во Иерусалим в городе Юрьевце, но вскоре, избитый паствой, снова вынужден бежать в Москву. Митрополит Новгородский Никон возведен в патриархи.
1653 Новоизбранный английский парламент объявил Кромвеля пожизненным лордом-протектором.	1653 Иван Неронов арестован за сопротивление троеперстному знамению и другим нововведениям Никона. Аввакум за гневную проповедь в Казанском соборе посажен на цепь на Патриаршем дворе, затем заключен в Андроньев монастырь и сослан в Сибирь.
1654 Начало Русско-польской войны.	1654 Происходит полное солнечное затмение. В Москве страшная эпидемия чумы. Эти события воспринимаются как дурные знамения. Церковный собор принимает решение об исправлении всей богослужебной литературы по греческим образцам. Бунт против Никона, начало раскола Русской православной церкви.

1666	Исаак Ньютон получает спектр солнечного света при помощи оптической призмы. Роберт Гук изобретает спиртовой уровень и винтовые зубчатые колеса.	1666	Арестованы виднейшие старообрядцы. Московский собор утверждает реформы Никона и анафемствует старообрядцев. Никон низведен с патриаршества. Расстрижение Аввакума.
1668	Ахенский мир: к Франции присоединена Фландрия. Испания признала независимость Португалии. Союз Англии, Голландии и Швеции против экспансии Франции.	1668	Начало Соловецкого сидения — осады Соловецкого монастыря, чьи насельники не принимают реформы и очень успешно обороняются.
1681	Убита последняя птица додо.	1681	В день Богоявления, во время крещенского водосвятия, в присутствии царя Федора Алексеевича старообрядцы бросают в толпу свитки с карикатурами и хулой на царя и церковных иерархов, громят и мажут дегтем соборные церкви Кремля.
1682	Ассамблея французского духовенства принимает декларацию о полной независимости французской церкви от Рима и подчинении ее королю. В Москве происходит Стрелецкий бунт. Начинается правление Ивана V и Петра I (под регентством царевны Софьи).	1682	В Пустозерске ведется сыск по поводу распространения Аввакумом из земляной тюрьмы «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и высшего духовенства. 14 апреля Аввакум и его соизуники сожжены на костре.

на дворе на цепь, а затем бросил на три дня в темную каморку в Андрониковом монастыре без хлеба и воды, куда никто к нему не приходил («токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно»), на третий день оголодавшему протопопу явился «не вем — человек, не вем — ангел», который сотворил молитву и дал узнику хлеба и щей (очень вкусных, как свидетельствует автор «Жития»), а после исчез, хотя двери не отворялись. Как это возможно, если это был человек, — дивится протопоп; а если

ангел — тогда, конечно, ничего странного: ему «нигде не загорожено».

Многие рассказы Аввакума проверяются свидетельствами очевидцев: например, воспоминания Аввакума о том, как его мучил в Даурской земле воевода Пашков (72 удара кнутом, пощечины, вырывание волос, кандалы), почти во всем, кроме оценки, совпадают с официальным донесением этого самого воеводы, где тот просит избавить его от неудобного ссыльного, который мутит стрельцов. Помимо «Жития»,

Спасо-Андроников монастырь.
Фотография 1882 года. Место первого заточения протопопа

Аввакум написал своим духовным чадам множество писем, которые также позволяют установить последовательность событий.

В ЧЕМ ВООБЩЕ БЫЛА СУТЬ КОНФЛИКТА МЕЖДУ СТАРОВЕРАМИ И НИКОНИАНАМИ?

Патриарх Никон затеял церковную реформу, чтобы объединиться с единоверцами — восточными православными

церквями — перед лицом католической угрозы. Реформа, однако, расколола Русскую православную церковь.

Русские священные книги и обряды пришли из греческой церкви еще в пору принятия Русью христианства, и с тех пор русская церковь существовала обособленно, причем с течением веков возникло множество разночтений в текстах в результате ошибок переписчиков. Кроме того, русские епархии были разобщены между собой. После объединения Московского государства возникла необходимость

унифицировать церковную жизнь. Стоглавый собор 1551 года закрепил сложившуюся на Руси церковную практику.

Тем временем в греческой церкви тексты и обряды претерпели значительные изменения. На Руси они усвоены не были — среди прочего потому, что греческая церковь со времени падения Константинополя (1453) находилась под государственной властью магометан и была тем самым скомпрометирована. Но в середине XVII века Россия оказывается перед необходимостью сближения с остальным православным миром, чтобы противостоять католической церкви и вообще западноевропейскому влиянию. В 1654 году с Россией воссоединилась Левобережная Украина, чья церковь, находившаяся под властью константинопольского патриарха, к тому времени уже провела реформу: она вслед за греческой церковью сменила двоеперстие на троеперстие, а написание «Исус» на «Иисус». Были внесены и другие обрядовые изменения.

Мы уроди Христа ради! Вы славны,
мы же безчестни! Вы силни, мы же
немощни!

АВВАКУМ

Взойдя на патриарший престол, Никон начал энергично внедрять новые порядки, чем вызвал возмущение многих священнослужителей, в том числе бывших своих товарищей по «Кружку ревнителей благочестия» — Ивана Неронова (настоятеля московской церкви Казанской Богородицы в Москве) и протопопа Аввакума. Реформа, начатая как кампания по обновлению духовной жизни и утверждению благочестия, приняла новый оборот.

Из Киева были призваны ученые монахи, отрицавшие весь старорусский чин и обряд как невежественные — и тем самым посягавшие на авторитет русских святых. За образец взяли современные греческие богослужебные книги, отпечатанные в Венеции (католическом городе, что само по себе вызывало подозрения). Исправленные книги множили на Московском печатном дворе и рассылали по всем епархиям со строгим наказом служить впредь только по ним. Это вызывало протест не только потому, что обрядовые изменения воспринимались как ересь, но и потому, что малограмотным священникам было сложно переучиваться.

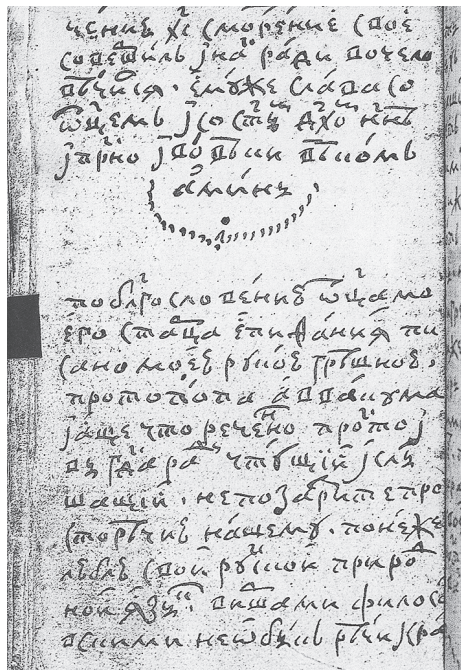
В 1666–1667 годах состоялся Большой Московский собор, на котором были преданы анафеме древние богослужебные чины и все их сторонники, получившие название старообрядцев, — так начался раскол Русской православной церкви. Апогеем сопротивления никонианской реформе стало так называемое Соловецкое сидение с 1668 по 1676 год, когда мятежный Соловецкий монастырь был наконец взят стрельцами. После этого протест со стороны старообрядцев выражался уже в форме мученичества — массовых самосожжений.

Хотя более рациональный подход к священным текстам, богослужению и самой вере был вызван конкуренцией с латинским миром, он парадоксальным образом означал движение в сторону секуляризации культуры, в сторону Запада. Все это было неприемлемо для раскольников, веривших, что Московское государство призвано освободить Константинополь и стать Царством Божиим на земле (Москва — Третий Рим, «а четвертому не быть»). Хотя на Востоке было еще четыре православных патриарха, они находились

под властью магометан — православный царь был только в Москве. Именно царя всю жизнь пытается переубедить Аввакум, не оставляя этих попыток и в своем «Житии»: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничтожай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах».

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО АВВАКУМА КАЗНИЛИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБВИНЕНИЮ?

После завершения «Жития» Аввакум провёл в заключении ещё шесть лет, все это время не прекращая своей пасторской деятельности. В 1675 году уморили в тюрьме голодом сподвижницу Аввакума — боярыню Морозову, в 1676-м, когда было завершено «Житие», в результате долгой осады было окончательно подавлено Соловецкое восстание¹, главная надежда раскольников. К этому времени скончался главный заступник Аввакума — царь Алексей Михайлович, что староверы восприняли как воздаяние царю за грехи. Молодому царю Федору Алексеевичу Аввакум написал челобитную, призывая его не следовать примеру покойного отца (который, как прозрачно намекнул протопоп, горит в адском пламени за свои ошибки), а восстановить истинную веру. Это, конечно, вызвало у царя большое раздражение.

Автограф Аввакума
(Пустозерский сборник). 1675 год.
Древлехранилище ИРЛИ

Тем временем сочинения Аввакума и его пустозерских сподвижников продолжали, несмотря на строгие запреты, переписываться и рассылаться «верным» — крамольные тексты можно было даже купить из-под полы в Москве в книжных рядах на Красной площади. А 6 января 1681 года, в праздник Богоявления Господня, пока царь и высшее духовенство совершали торжественный крестный ход из Кремля на Москву-реку, староверы устроили

¹ Или Соловецкое сидение — восстание монахов Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, длившееся с 1668 по 1676 годы. Монастырь отказался принять реформу патриарха Никона, власть расценила это как бунт и отправила на Соловки царские войска, которые почти 10 лет осаждали хорошо защищенный монастырь. После того как стрельцам удалось взять Соловецкий монастырь, активные участники мятежа были казнены, остальные сосланы в остроги.

настоящий бунт: ритуально осквернили Успенский и Архангельский соборы, вымазали гробницу Алексея Михайловича дегтем, как ворота гулящей девки, с колокольни Ивана Великого метали в толпу свитки с политическими карикатурами и «хульными надписями» на царя и церковные власти во главе с патриархом. Оригиналы изготовил на бересте сам протопоп Аввакум.

Это было уже прямо политическое дело. Собор 1682 года передал вопрос старообрядчества в руки светских властей. После непродолжительного расследования в отношении Аввакума и других пустозерских узников в Пустозерск был направлен приказ о казни бывшего протопопа Аввакума, монаха Епифания, бывшего священника Лазаря и бывшего дьякона Федора. В Страстную пятницу 14 апреля 1682 года Аввакума и его союзников сожгли на площади в срубе.

С тех самых пор Аввакум почитается в большинстве старообрядческих церквей и общин как священномученик и исповедник. Официально он был канонизирован старообрядцами Белокриницкого согласия¹ на Освященном соборе в 1917 году.

В ЧЕМ ЖАНРОВОЕ НОВАТОРСТВО «ЖИТИЯ»?

Жанр, названный словом «житие», по умолчанию подразумевает биографию святого, то есть человека, кроме всего прочего, уже умершего и канонизированного.

Аввакум сделал вещь для своего времени невозможную, написав собственное «Житие», то есть, во-первых, фактически объявив себя святым и, во-вторых, положив начало жанру автобиографии (а возможно, и психологической прозе вообще) в русской литературе.

Нельзя сказать, что житийный канон был абсолютно неизменен: исследователи выделяют, например, такие разновидности, как жития-новеллы (которые группировались в патериках) и жития-повести. Тем не менее житие как жанр предполагает наличие определенных конструктивных элементов, и Аввакум имел их в виду, сочиняя собственное.

Его текст начинается с традиционного вступления, где обоснован сам факт содания жития. Этот канонический прием получил особенное значение в аввакумовской версии «жития мученика», которое, разумеется, не заканчивалось его смертью (хотя Аввакум действительно окончил жизнь в огне через несколько лет после завершения текста). Описание собственной жизни и вообще внимание к собственной персоне было совершенно нехарактерно для православного сознания того времени: это воспринималось как гордыня, греховное самовосхваление. Поэтому Аввакуму приходится оправдываться двояко: во-первых, текст продиктован необходимостью отстоять истинную веру, поведавать о страданиях мучеников, во-вторых, за перо Аввакум взялся по побуждению своего духовника.

¹ Православная старообрядческая церковь, которая ведет начало от греческого митрополита Амвросия. Он перешел в старообрядчество в 1848 году и основал свою иерархию. Белокриницкая иерархия получила название по селу Белая Криница, которое было одним из центров поселения староверов.

Традиционный для жития рассказ о юных годах Аввакума, о матери-молитвеннице, о чудесах, которые он совершал и которым был свидетелем, призван подтвердить его статус святого. Французский славист Пьер Паскаль отметил поразительный эгоцентризм аввакумовского жития и новый для русской литературы «психологизм», с которым Аввакум подробно и ярко описывает душевные переживания — и собственные, и чужие. Композиционно и стилистически внутренний монолог Аввакума восходит к молитве — каноническому элементу жития, но наполняется реальными переживаниями автора, благодаря этому возникает невиданный до тех пор в русской литературе самоанализ.

ЧЕМ НЕОБЫЧЕН ЯЗЫК «ЖИТИЯ»?

Аввакум в первых же строках наиболее полной редакции «Жития» заявляет: «Люблю свой природный русский язык» — и в тексте неоднократно характеризует свой слог как «просторечие», «вякание», «воркотню». На письме он передает строй устной речи, даже фонетически воспроизводя особенности своего нижегородского произношения. Протопоп был высокообразованным человеком, и просторечие — его сознательный, идеологический авторский выбор. В пике «книжникам и фарисеям», носителям ненавистной греческой учености, протопоп прикидывается человеком

невежественным («ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства¹ неискусен»), зато искренним. Он остроумно оправдывает собственную позицию и право писать о себе, уподобляя себя как автора нищему, который собирает подаяние и кормит семью: «У богатога человека, царя Христа, из евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, и с полатай его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошель, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду! Я опять побреду збирать по окошкам...». Тем самым он придает своему повествованию убедительность: верьте не мне (я человек простой), верьте Отцам Церкви, которых я бесхитростно пересказываю, и Христу, который говорит через меня.

Характерно, что в тексте протопоп неоднократно прямо обращается к тому или иному читателю: к старцу Епифанию, к некоему «возлюбленному чаду», которому предназначался дошедший до нас автограф, а также к царю, к никонианам или к самому дьяволу. Это публицистическая полемика в реальном времени. Иногда текст превращается в настоящий диалог: Аввакум задает вопрос Епифанию и оставляет чистое место, куда его духовник и редактор вписывает свой ответ, после чего Аввакум продолжает прерванный рассказ.

¹ Дидаскал — учитель, наставник, проповедник (с греческого διδάσκαλος — учитель). Логофет — высший чиновник в патриаршей канцелярии при византийском дворе (с греческого λογοθέτης — постановляющий). У Аввакума эти понятия синонимичны: выбирая греческие слова, он иронизирует над заумью и излишней ученостью.

традиции можно отнести, например, лесковского «Очарованного странника». Подвиг святого предполагал сознание собственной бесконечной греховности и даже презрение со стороны окружающих. Объявляя себя святым, Аввакум вынужден прибегать к постоянной самокритике, потому что, с одной стороны, его устами свидетельствует истинная вера, но с другой — как живой человек он должен компенсировать самовозвеличение постоянным самоуничижением.

Поэтому он смеется над собой и над своим подвигом, причем складывается парадоксальная ситуация, когда на одной странице он фактически уподобляет себя Христу или апостолу Павлу, а на другой называет себя «прямым говном». Как пишет Лихачев, это типичный для Средневековья смех над самим собой — «очистительный, утверждавший бренность и ничтожество всего земного сравнительно с ценностями вечного».

Стань среди Москвы, прекрестися знаменiem Спасителя нашего Христа, пятью персты, якоже прияхом от святых отец: вот тебе Царство Небесное дома родилось!

АВВАКУМ

Было у юмора в «Житии» и другое назначение. Ведь Аввакум писал его, чтобы убедить других в истинности старой веры и в том, что следует пострадать за нее. Поэтому «Житие» должно было не пугать, а указывать на ничтожность переносимых мук. Он балагурит, иногда переходя даже на раешник: «Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы», саркастически отмечая, что теперь, чтобы стяжать мученический венец, далеко в языческие земли ходить не надо:

«Стань среди Москвы, прекрестися знаменiem Спасителя нашего Христа, пятью персты, якоже прияхом от святых отец: вот тебе Царство Небесное дома родилось!»

Смех, самоумаление, презрение людское тесно связаны с темой юродства. Хотя у Аввакума было другое амплуа, в одном эпизоде он описывает, как юродствовал на судившем его соборе: не отвечая на обличения патриархов, Аввакум отошел к дверям и «набок повалился», чтобы показать свое презрение, а на упреки и насмешки,

Богдан Салтанов. Икона «Кийский крест» (слева — святой равноапостольный царь Константин Великий, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон; справа — святая равноапостольная царица Елена, царица Мария Ильинична). 1670-е годы. Государственный исторический музей

что он вести себя не умеет, ответил цитатой из апостола Павла: «Мы уроды Христа ради! Вы славны, мы же безчестны! Вы силны, мы же немощны!»

Как отмечает Лихачев, смех был для Аввакума формой сопротивления: раз человечество во власти дьявола и слуги Антихриста уничтожают верных христиан, подлинный мир — только мир вечный, а земной, «крошечный» мир достоин смеха и жалости.

ЧЕМ РАЗЛИЧАЮТСЯ АВТОРСКИЕ РЕДАКЦИИ «ЖИТИЯ» И ПОЧЕМУ ВАЖНО, ЧТО ИХ НЕСКОЛЬКО?

В случае древних текстов, как правило, существует проблема разночтений между разными списками, то есть рукописными экземплярами. Но в случае «Жития» принято выделять к тому же три редакции текста, созданные в разные годы самим Аввакумом (две из них дошли в автографах). Особняком стоит так называемый Прянишниковский список — поздняя (XVIII века) редакция еще одного, не дошедшего до нас варианта «Жития». Этот вариант, возможно, самый ранний, более откровенен и содержит ряд эпизодов из жизни протопопа, которые в других списках отсутствуют.

Есть мнение, что в случае «Жития» окончательный вариант текста не предполагался в принципе, поскольку Аввакум варьировал текст по мере рукописного «тиражирования», внося или убирая определенные биографические подробности, полемические выпады или лирические отступления, в зависимости от адресата конкретного экземпляра. Но убедительнее звучит

версия, что автор с самого начала воспринимал «Житие» как законченное произведение: его сюжет доведен хронологически до момента, когда протопоп оказывается в Пустозерске, и не обновляется с учетом последующих событий. Скажем, боярыня Феодосия Морозова еще упоминается как живая в третьей редакции «Жития», хотя к тому времени уже скончалась и была оплакана Аввакумом в другом тексте. Изменения в тексте «Жития» — не импровизация: судя по всему, Аввакум умышленно и последовательно приводит текст в соответствие с главным замыслом. В окончательном варианте усилена агиографическая стилизация (вставлены специальные богословские статьи, не имеющие отношения к сюжету, многочисленные цитаты из Священного Писания, дополнительные рассказы о чудесах), зато убраны эпизоды, не работавшие на тот образ, который хотел создать протопоп.

Всяк правоверный много не рассуждай,
пойди в огонь. Бог благословит, и наше
благословение да есть с тобою во веки!

АВВАКУМ

Один из таких эпизодов — встреча Аввакума по пути из Даурии в Москву с иноземцами, которые перед тем убили множество русских, но протопопа отпустили с миром. В последней редакции он выпустил упоминание о том, как «лицемерился» с язычниками, чтобы уцелеть, ограничившись скудным замечанием: «Варвары же Христа ради умягчились и никакого зла мне не сотворили, Бог так изволил». Нет там уже и упоминания о том, как Аввакум пал духом, усомнившись в целесообразности дальнейшего обличения никониан, и его жена,

Настасья Марковна, его отчитала. И только из Прянишниковского списка мы узнаем, например, что вскоре после рукоположения и рождения старших детей молодой протопоп чуть не запил по примеру своего отца или что он сам в 1652 году просил царя поставить Никона патриархом. Все эти сомнительные для жизни святого подробности в финальной редакции цензурированы. Параллельно за годы заключения усиливается гнев Аввакума на гонителей, поэтому в последней редакции он часто бранит их, а сцену пустозерской казни своих союзников описывает с таким натурализмом, что инок Епифаний позже заклеил этот фрагмент и заменил описанием чудесного забвения во время пытки. Последняя редакция «Жития» соответствует авторской воле о том, в каком виде это произведение должно дойти до читателя, но другие в чем-то полнее и непосредственнее; поэтому имеет смысл читать комментированное издание, где приведены все выпавшие фрагменты.

ПОЧЕМУ ПРИХОЖАНЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ВСЕ ВРЕМЯ ЕГО БИЛИ?

Где бы ни служил Аввакум, это постоянно оборачивалось конфликтом с паствой. Сам он считал причиной этих конфликтов свое усердие в обличении блуда и насаждении нравственности. Но тут нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, блуд и порок протопоп трактовал гораздо шире, чем его прихожане, во-вторых, по крайней мере в годы своего служения

в городе Юрьевце-Повольском¹ он обладал неограниченным политическим ресурсом и не стеснялся прибегать к мерам физического воздействия. Несмотря на то что Аввакум в «Житии» с похвальной гуманностью упрекает патриарха Никона в жестокости и указывает, что Христос казнить не велел, сам он был наделен очень бурным темпераментом и пастырским наставлением не ограничивался: кого в алтаре порол, кого сажал на хлеб и воду в подвал до покаяния, а однажды бросил тело скоропостижно умершего воеводы-грешника на съедение псам.

На меня, бедная, пеняет, говоря:
«Долго ли муки сея, протопоп, будет?»
И я говорю: «Марковна, до самых
смерти!»

АВВАКУМ

Все это он мог делать благодаря поддержке царя Алексея Михайловича. Аввакум был членом «Кружка ревнителей благочестия», который в 1648–1651 годах сложился вокруг царского духовника, протопопа московского Благовещенского собора Стефана Вонифатьева; в этот кружок входил и Никон, будущий патриарх, и учитель Аввакума — Иван Неронов. Кружок ставил своей целью укрепление благочестия и искоренение пороков, суеверий и недозволенных удовольствий — а в этот разряд попадали, например, выступления скомоухов, рождественские коляды и другие праздники и обычаи языческого происхождения, азартные игры — кости, карты, шахматы и бабки, винное зелье, музыкальные инструменты, развлечения, искажающие

¹ Современное название — город Юрьевец.

облик человека (например, переодевания и маскарады). Все эти запреты существовали и раньше, но, как известно, в России «строгость законов компенсируется необязательностью исполнения таковых»; «ревнители» же стали требовать буквального исполнения всех церковных предписаний, а ослушников били батогами, ссылали, штрафовали, сажали их на цепь и отправляли на покаяние в монастырь — хорошая иллюстрация к современному выражению «православный талибан». Паства, не снеся аввакумовских строгостей, то и дело шла толпой бить протопопа при молчаливом попустительстве воеводы (чи стрельцы нарочито медленно ехали на подмогу), раз бросила полумертвого под угол дома, он с семьей был вынужден бежать в Москву, под крыло Неронова.

Формальная строгость Аввакума проявлялась не только в вопросе обрядов. Скажем, борьба с блудом — дело для священнослужителя естественное. Но что Аввакум под этим понимал? В Тобольске, где оказался в ссылке протопоп, как и вообще во всей не до конца еще покоренной Сибири, остро не хватало русских женщин, поэтому частыми были смешанные браки — формально они считались незаконными, но на это никто не смотрел. Аввакум такие семьи разводил. В его «Житии» приведена история о молодой калмычке, которая выросла пленницей в доме некоего Елеазара. Аввакум сделал ее своей духовной дочерью, забрал к себе. Девушка, однако, сильно скучала по бывшему хозяину, из-за чувства вины перед Аввакумом с ней случались нервные припадки, которые Аввакум лечил экзорцистскими методами. После ссылки протопопа девушка все-таки вышла за своего Елеазара, но услышав, что духовный

отец возвращается, от страха оставила мужа и стала монахиней. Из сегодняшнего дня поведение Аввакума часто кажется жестоким и непонятным — и таким же оно казалось многим его прихожанам, которые за полтора года служения Аввакума в Тобольске написали на него пять доносов.

БЫЛ ЛИ ПРОТОПОП АВВАКУМ РЕТРОГРАДОМ, ОТВЕРГАВШИМ ВСЕ НОВОЕ?

А вот и нет. Наоборот: первоначально Аввакум сам стремился реформировать религиозную и нравственную жизнь русских людей (не проводя различия между религией и нравственностью). Аввакум, выступивший против Никона по малозначительному, на поверхностный взгляд, вопросу об исправлении богослужебных книг и обрядов, незадолго перед тем сам энергично принялся исправлять церковную практику «многогласия» — согласно этому богослужебному русскому обычаю, разные песнопения службы пелись на нескольких клиросах одновременно, тем самым служба заканчивалась скорее. Аввакум велел петь все по порядку, что было новшеством и за что в Юрьевце-Повольском и других местах, где служил Аввакум, его же прихожане не раз колотили его всем миром среди улицы — «долго-де поешь единогогласно. Нам-де дома недосуг».

И выправлением «испорченных» церковных книг занимался поначалу именно Аввакум, вместе с Иваном Нероновым и Стефаном Вонифатьевым; с Никоном он только разошелся в вопросе о первоисточниках. Кроме того, Аввакум воскресил давно забытый к тому времени на Руси обычай

церковной проповеди — его обличения пороков воспринимались как неприятное нововведение и также затягивали службу.

ПОЧЕМУ АВВАКУМА НАЗЫВАЛИ «ОГНЕПАЛЬНЫМ ПРОТОПОПОМ»? ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОН ПРИЗЫВАЛ СТАРОВЕРОВ К МАССОВОМУ САМОУБИЙСТВУ?

Скажем так: призывал, но не всех. Коллективное самосожжение (а также самоутопление, пост до голодной смерти и прочее) было широко распространенным старообрядческим способом обрести спасение души. Хотя раскольники подвергались гонениям, их пытались перевоспитать, сажали в тюрьму и казнили, но часто смерть в огне была их добровольной инициативой. Только в 1675–1695 годы было зарегистрировано 37 «гарей», во время которых погибли не меньше 20 000 человек.

Аввакум к этой практике относился одобрительно. В беседе «Об иконном писании» он писал: «Всяк правоверный много не рассуждай, поиди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки!» Хотя в православии, как и в любой христианской конфессии, самоубийство — смертный грех, но в данном случае старообрядцы, и в частности Аввакум, рассматривали это как аналог первохристианских страданий за веру. Эсхатологические настроения были очень сильны, конца света ожидали сперва в 1666 году, а потом, когда он не наступил, со дня на день. Никонианская реформа явно свидетельствовала о наступлении царства Антихриста, и цепляться за жизнь в таких обстоятельствах

казалось и бессмысленным, и недешево полезным. Однако признавая, что старообрядцы, «принявшие огненное крещение», поступили мудро, Аввакум колебался, отвечая на нетерпеливые вопросы своих духовных чад, пора ли следовать их примеру. В целом протопоп требовал от людей мученичества пропорционально любви и уважения к ним. Так, он упрекал сыновей, которые из страха отреклись от истинной веры и отделались тюрьмой, вместо того чтобы «урвать мученический венец», и не давал послаблений своей духовной дочери и близкому другу боярыне Морозовой, но когда к нему обратился юродивый старообрядец Федор с вопросом, носить ли ему обычное платье (юродивые зимой и летом ходили в одной рубашке, а то и нагишом и были, следовательно, очень заметны) или упорствовать и терпеть постоянные гонения, Аввакум ему посоветовал маскироваться. Не разделял протопоп и радикального аскетизма, согласно которому перед концом света вообще уже не следует жениться и размножаться, а только жить в молитве и воздержании. Похоже, отчасти это объясняется тем, что сам он очень любил свою семью и был человеком темпераментным, его борьба с плотскими соблазнами описана и в «Житии». Он наставительно цитирует послание апостола Павла, призывавшего жениться, чтобы не было греха. Аввакум был реалистом, не ждавшим от всех готовности к подвигу.

КАКИМ БЫЛ АВВАКУМ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ?

Протопоп был примерным семьянином. У Аввакума и его жены Настасьи Марковны было девять детей: двое из них

умерли во младенчестве из-за лишений в ссылке, и протопоп их очень оплакивал; выросли четыре сына — Иван, Прокопий, Корнилий, Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акулина и Акси́нья. Аввакум много пишет о детях и жене, но важно понимать, что, несмотря на бытовые подробности и простой язык, образ протопопицы в «Житии» он выстраивает в соответствии с житийным канонem — как иллюстрацию святости самого Аввакума и всех его сподвижников. Настасья Марковна — бедная набожная сирота, 14 лет от роду выбранная в жены Аввакуму его матерью, тоже женщиной набожной и благочестивой (в отличие от отца-пьяницы). Она безропотно сносит все лишения, следует за мужем в ссылку, еще не оправившись от родов, теряет детей, терпит из-за него тюремное заключение. Наверное, самый знаменитый фрагмент «Жития» — диалог протопопа с женой во время пятидневного перехода по льду озера: «Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! <...> ...На меня, бедная, пеняет, говоря: “Дольго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самыа смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “Добро, Петрович, ино еще побредем”». Это, наверное, единственный раз, когда Настасья Марковна дрогнула. В другой раз протопоп сам пал духом, видя, что ему не удастся переубедить царя, что ересь никонианская побеждает и, если он будет упорствовать, пострадает его семья, — тут, наоборот, Настасья Марковна стыдит его, веля о детях не волноваться, а идти в церковь обличать Никона.

Аввакум очень ценит жену за силу духа — чуть ли не единственный раз он говорит о ней пренебрежительно именно потому, что она недосмотрела за детьми,

которые малодушно отреклись от старой веры и уцелели, отделившись тюремным заключением:

«...Жила бы, не розвешав уши, а то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты, и креститца, и творить молитву, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и з доброю дружиною умерли заодно Христа ради».

Поколотив как-то раз жену, протопоп кланяется ей в ноги и накладывает на себя епитимью: очевидно, несмотря на вспыльчивость, домашнее насилие он нормой не считал. Из детей он особенно выделял старшую дочку Агриппину: уже в конце жизни из земляной тюрьмы в Пустозерске он, сам живущий передачками с воли, посылает ей в Москву кусок холста и в письмах настойчиво интересуется, дошел ли подарок.

ПОЧЕМУ АВВАКУМА ПОСТОЯННО ЩАДИЛИ ВЛАСТИ?

В то время как сподвижников строптивного протопопа вешали у него же на воротах, резали им языки и секли руки, сам он до самого своего сожжения отделялся сравнительно легко: его не калечили, из ссылки его возвращали, переубеждали всем двором, просили уже даже не принять реформу, а хотя бы помолчать и не мешать; уже во второй ссылке ему смягчили по его просьбе условия содержания — на пути в Пустозерск, где он впоследствии окончит свои дни, его с семьей сперва оставили в Мезени. Объясняется это все несколькими причинами. Во-первых, царь Алексей

Михайлович Аввакума любил и уважал. И еще больше любили Аввакума царица Мария Ильинична и царевны: когда Аввакум был расстрижен и предан анафеме, царица, по свидетельствам очевидцев, дома устроила царю основательную взбучку. Царевна Ирина послала Аввакуму в Сибирь богатое облачение, которое спасло ему жизнь: в голод он выменял его у воеводы на еду. Аввакум не раз пишет в «Житии» о знаках внимания со стороны Алексея Михайловича, который в церкви после пасхальной службы стоял и дожидался, пока разыщут малолетнего Аввакумова сына, чтобы погладить его по головке и одарить крашеным яичком. Накануне отправки Аввакума в последнюю ссылку царь ходит вокруг его темницы и вздыхает, а вдогонку ему шлет письмо, обещая заступничество перед патриархом и прося молитв.

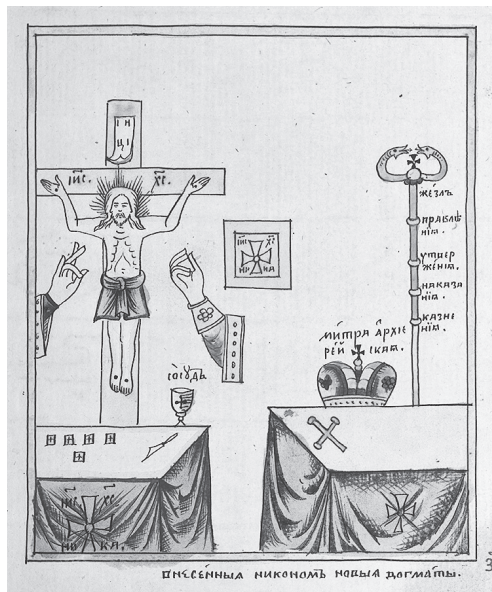
Во-вторых, и царь, и воеводы, под чьим началом оказывался ссыльный Аввакум, и вообще все его гонители или просто люди, с которыми сталкивала его судьба, хотя подчас сажали протопопу на цепь и поролли кнутом, но втайне подозревали, что Аввакум действительно святой, или по крайней мере не поручились бы, что это не так. Судя по всему, он был крайне убедительным полемистом, а еще убедительнее действовал его личный пример: его готовность умереть за свои убеждения, личная нравственность и аскетизм не вызывали никаких сомнений. А если он вдруг святой, то сильно ему навредить — значит попасть в ад, и такой риск никто на себя брать

не хотел. В-третьих, были и политические мотивы. Религиозная жизнь в XVII веке была неотделима от жизни общественно-политической. Никонианская реформа расколола не только верующих, но и общество в целом, это была важная и рискованная политическая история, и власти не хотели делать из Аввакума показательного мученика. Ко времени, когда его все-таки сожгли (причем формально — по политическому обвинению: за хулу на царский дом), Алексей Михайлович умер, а раскольники уже были повержены.

МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ АВВАКУМА ДИССИДЕНТОМ?

Вполне. Когда советские диссиденты требовали от властей «соблюдать собственную конституцию»¹, они в каком-то смысле следовали примеру Аввакума, требовавшего, чтобы царь и патриарх следовали решениям Стоглавого собора, и также были готовы пострадать за свои убеждения. Многие позднейшие диссидентские практики у Аввакума и его пустозерских союзников — страдальцев за веру — были уже в ходу. Так, например, послания и другие сочинения на волю (в Москву, в Боровск, на Дон, в Сибирь и так далее) передавались из тюрьмы, спрятанные в разные предметы, например в кедровые кресты, которые мастерил старец Епифаний, а в самом удивительном случае Аввакум «стрельцу у бердыша в топище велел ящичек зделать... и заклеил

¹ Лозунг советских правозащитников. Им сопровождался митинг гласности, который прошел на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 года, в День Конституции. Митинг считается первой оппозиционной демонстрацией со времен установления сталинской диктатуры. Конституция 1936 года провозглашала свободу слова, печати и собраний. На площадь вышло около 200 человек, буквально через пару минут их всех разогнали.

Новые догматы Никона.
Из книги «Истории об отцах
и страдальцах Соловецких». 1800 год

своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... и поклонился ему низко, да отнесет, Богом храним, до рук сына моего, света; а ящичек стрелцу делал старец Епифаний». Передавать письма на волю через лагерную охрану советские диссиденты, конечно, не могли, но специальные предметы с тайниками для нелегальной корреспонденции были широко распространены и у них (только этой цели служили уже не кресты, а, например, курительный мундштук, который нужно было нагреть

на свечке, чтобы развинтить и найти записку на папиросной бумаге).

Параллель можно усмотреть и в «показательных процессах» XVII века: священники и церковные иерархи, сперва протестовавшие против реформы, но впоследствии не выдержавшие гонений и отрекшиеся от старой веры, были вынуждены многократно приносить публичное покаяние в целях назидания паствы — так же, как обвиняемые по политическим делам в сталинское время.

Сподвижник Аввакума дьякон Федор просил Бога открыть ему, не было ли в старой вере какой-нибудь ошибки и не была ли новая вера правой. В продолжение трех суток он не ел, не пил и не спал и получил указание умереть за истинную веру и не принимать никаких новшеств. Но он очень беспокоился о своей семье и хотел вызвать духовника (которого в этих условиях можно назвать аналогом советского адвоката), чтобы передать через него весточку родным; первым условием для этого было подчинение церкви и собору — и Федор подписался под документом, что «во всем повинуется святой восточной соборной и апостольской церкви и всем православным ея догматом»; он умолял царя освободить его из тюрьмы и возвратить к бедной жене и малым детям. Отказ в свиданиях и праве переписки впоследствии стал распространенным методом давления на советских диссидентов.

Житие
протопопа
Аввакума

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице Боже и Содетелю всего мира! Поспеси и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хочу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от Тебя помощи прося: управлю мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делами просвещен, на Судище¹ десныя твоя страны причастник буду со всеми избранными Твоими. И ныне, Владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о Божественных именах, что есть Богу присносущные² имена истинные, еже есть близостные, и что виновные³, сиречь похвалныя. Сия суть сущие: сый⁴, свет, истинна, живот, только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: Господь, Вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен⁵, царь славы, непостоянен, огонь, дух, Бог, и прочая по тому разумевай.

¹ суде (Страшном суде).

² всегда присущие.

³ приличествующие.

⁴ существующий, сущий.

⁵ троеликий.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение¹ истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же Бог испасти не может, и еже не быти — несть².

Мы же речем: потеряли новолюбцы³ существо Божие испадением от истинного Господа, Святого и Животворящего Духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа Своего испасти не может, а еже не быти, несть того в нем: присносущен истинный Бог наш. Лучше бы им в Символе веры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекасти, в нем же существо Божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в Духа Святого, Господа истиннаго и животворящаго света нашего, веруем, со Отцем и с Сыном покланяемаго, за Него же стражем и умираем, помощию его Владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа, и тем богоразумие⁴ стяжав, изступив убо себе⁵, не сый в мирском их нраве и прелести⁶, себя же вестъ трезвящися и изменена⁷ всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедъствующе истинны ради, но и неведением скончавающися⁸ всегда, разумом же живуще, и христиане суть свидетелствуемы⁹. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру Христову, хитрость имый¹⁰ ищитати беги небесныя, егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы¹¹. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумееш, яко

¹ ибо отказ от себя.

² и чего не существует, того нет.

³ сторонники новых обрядов.

⁴ богопознание.

⁵ победив самого себя.

⁶ не причастный мирским соблазнам.

⁷ сознает себя трезвым и свободным.

⁸ умирая в неведении мирского.

⁹ об этом свидетельствуют.

¹⁰ владевший искусством рассчитывать движение светил небесных.

¹¹ грязь.

вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля¹ и пагуба? Аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающие, понеже любви истинныя не прияша, воеже² спастися им; и сего ради послет им Бог действо лъсти³, воеже веровати им лжи, да суд примут неверовавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275.

Сей Дионисий еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечном граде, и виде: солнце во тму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глагола: «Или кончина веку прииде, или Бог-Слово плотию стражет»⁴; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечном знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны Бог положил не в пределах, яко ж и прочие звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев Божий к людям бывает. Егда ж бывает от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось в 162 году⁵, пред мором за месяц или менши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирской, и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию, являя Бог гнев Свой к людям: в то время Никон отступник веру казил⁶ и законы церковныя, и сего ради Бог излиля фиал гнева ярости Своея на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси

¹ тлен.

² чтобы.

³ соблазна.

⁴ страдает.

⁵ в 7162 (1654) году.

⁶ искажал.

помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток¹ в час шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев Божий являя, и протопоп Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века² познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иусе Наввине во Израили. Егда Иус секий иноплеменники, и бысть солнце против Гаваона, еже есть на полднях³, ста Иус крестообразно, сиречь разпростре руце Свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: отече солнце вспять во второй-на-десять⁴ час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу дионисиеву, там пространно уразумееш.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят Богу, разделяя девять чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от Бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места Господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя Бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, аль — Отцу, иль — Сыну, уйя — Духу Святому. Григорий Ниский толкует: аллилуйя — хвала Богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава Тебе, Боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже! У святых

¹ пятницу.

² конца света, Страшного суда.

³ на юге.

⁴ двенадцатый.

согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим Бога, а не четьржи, по римской бляди: мерско Богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья троица, силы, архангелы, ангелы, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Его! Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковского, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала Богу, а от зломудръствующих досада велика, — по-римски Святую Троицу в четверицу глаголют, Духу и от Сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование Богом и святыми. Правoverных избави Боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, Господе нашем, Ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера¹, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единого Бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав Отец, ин — Сыновень, ин — Святаго Духа; но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприисносущно величество; яков Отец, таков Сын, таков и Дух Святый; вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святый; не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святый; Бог Отец, Бог Сын, Бог и Дух Святый — не три Бози, но един Бог; не три несозданныи, но един Несозданный, един Вечный. Подобне: Вседержитель Отец, Вседержитель Сын, Вседержитель и Дух Святый. Равне: непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Дух Святый. Обаче не три Вседержители, но един Вседержитель; не три непостижими, но един Непостижимый, един Пресущный. И в сей Святей Троице ничто же первое или последнее, ничто же более или менее, но целы три составы и соприисносущны суть себе и равны. Особно бо есть Отцу нерождение, Сыну же рождение, а Духу Святому исхождение;

¹ христианскую веру.

обще же им Божество и Царство. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении Бога-Слова¹ к вашему спасению.) За благодать щедрот излия Себе от Отческих недр Сын-Слово Божие в Деву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии Девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величества на высоких и хочет паки приити судити и воздати комуждо по делом его, Его же Царствию несть конца. И сие смотрение в Бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразится. (Совет Отець.) Рече Отец Сынови: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию». И отвеща другий: «Сотворим, Отче, и преступит бо». И паки рече: «О, едиnorodный мой! О, свете мой! О, Сыне и слове! О, сияние славы моя! Аще промышляеши² созданием Своим, подобает ти облещися в тлимаго³ человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «Буди, Отче, воля Твоя!» И по сем создася Адам. Аще хочещи пространно разумети, чти Маргарит: «Слово о вочеловечении»; тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сие всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сие аз, протопоп Аввакум, верую, сие исповедаю, с сим живу и умираю.

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока⁴ Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмелнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену

¹ Иисуса Христа.

² заботишься.

³ тленного.

⁴ в монашестве.

помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибирьской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретьяцеть¹.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии² всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробно возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпуща девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвечали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом

¹ двадцать пять.

² разврату.

вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо¹, — его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидя на нем отвечал: «Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах и, седше, разсуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?»

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох. У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери; и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе Божиим мановением. И он, утрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя разсвиrepел, — прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близь меня быв, запалил ис пистоли, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили,

¹ пепельного цвета.

яко же Филипп каженика¹ древле. Егда ж аз прибел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от Писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались², а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит Своя люди!

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя разсвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в ноц ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: “Дайте мне батка³ Аввакума! За него Бог меня наказует!”» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя з Захарию пророком; а буде в воду посадят, а ты, яко Стефана Пермьскаго, паки свободиш мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию.

¹ евнуха.

² просили прощения.

³ отца, батюшку.

Содержание

Предисловие «Полки»	5
Житие протопопа Аввакума.....	27
Примечания.....	87
Приложение.....	99
Источники иллюстраций.....	489